

Когда это происходит в первый раз, Чанель стоически терпит: в одиночку буквально вылизывает свою, как оказалось, совсем не маленькую квартиру и добивается того, что паркетная доска не портится. Он думает — ну с кем не бывает. Сам-то он в прошлом году и в другом доме тоже два раза кого-то топил. Ничего страшного.

Но это только на первый взгляд. Пак соседей сверху знать не знает — там, как позже он выясняет, чердак вообще-то. Кто там может жить? Зимой ведь, наверное, не очень. Сам Чанель живет в домах старой постройки и отчего-то думает, что чердак едва ли топят.

Честно говоря, Пак изначально вовсе не намеревался с кем-то ссориться или выяснять отношения прямо на лестничной клетке. Аджуммы с третьего этажа всему дому хватает: у нее что ни вечер — то разборки. Однако все выходит не так, как Чанель думал. Потопы повторяются каждый месяц, иногда по нескольку раз. И Пак задумывается о том, что же не так он сделал в прошлой жизни, раз вынужден ползать по дому и вытирать воду?

Видит Бог, Чанель и правда обладатель самого большого и доброго сердца во всей Южной Корее, раз спустя четыре таких случая все еще думает, что таинственного соседа сверху можно простить. Только вот во время пятого потопа нервы сдают — сказываются проблемы на работе, неудачные попытки написать диплом, бывшая девушка, которую отбил лучший друг и которая отчего-то решила к нему вернуться, и просто бесконечная усталость вкупе с желанием (читать: заветной мечтой) наконец выспаться.

О странном соседе, живущем на чердаке, Чанель ни черта не знает, разве что лишь догадывается о том, что этот человек днем постоянно где-то пропадает — не открывает дверь и не отзывается вовсе, изнутри доносится только жалобное и тихое мяуканье. То, что там кто-то все-таки живет, Чанель выясняет с помощью все той же аджуммы с третьего этажа. Она рассказывает, будто бы жильцы незадолго до переезда самого парня сюда благородно отдали чердак какой-то вечно занятой студентке.

Пак просыпается от навязчивого стука тяжелых капель. Сначала он не сразу понимает, что вообще происходит, но, как только до него доходит, что его в очередной раз топят, парень вскакивает на ноги и оказывается по щиколотку в воде. Он едва не воет от негодования, бросая мимолетный взгляд на настенные часы: черт возьми, пять утра.

Чанель в этот раз уже не намерен так просто забыть обо всем. Он, приподняв пижамные штаны, добирается до прихожей, наскоро обувается и вылетает из квартиры, несясь на чердак. Уж теперь-то он поймает эту девицу! До этого она топила его днем — и в такие моменты он то был дома, то нет, а когда возвращался — его ожидал ма-а-аленький такой сюрприз.

Чанель, не церемонясь и жутко злясь, сонный и похожий на взъерошенного воробья, дубасит дверь изо всех сил. Сначала внутри как-то совсем замогильно тихо, но спустя минуту снова слышится жалобное мяуканье, а потом сонный, но не менее негодующий крик:

— Гарфилд! Ты опять за свое?!

Женский голос отдается в голове отзвуком чего-то давно забытого, но теплого и светлого. Чанель на минутку удивляется, однако снова стучит — громче. И слышит, как за дверью кто-то шлепает по полу, очевидно босыми ногами. Вскоре ему открывают.

Чанэль едва не выпадает из реальности, думая, что все это — большой и очень абсурдный сон на почве усталости и переутомления, но нет. Перед ним стоит На Ёын — в ночной рубашке, едва прикрывающей стройные ноги. Стоит отметить, что эта девушка нравится Чанэлю с седьмого класса, но в том году он так и не решился признаться ей, а в следующем она уехала в Таиланд — к тете, единственной опекунке, ведь родители погибли в автокатастрофе тогда.

— Ёын? — голос вмиг становится сам не свой, а Чанэля бросает в мелкую дрожь. — Ты... вернулась?

— Чан? — только она в прошлом его так называла. — Ох, это тебя я постоянно топлю?! Прости-прости-прости, я случайно!

Ёын как была забавной, так и осталась — она размахивает руками во все стороны, ногой отпихивает рыжего наглого кота, пытающегося пробиться на лестницу, тараторит о том, что она во всем этом полный ноль, а мастера вызвать времени катастрофически не хватает, рассыпается в извинениях, но Чанэль только слабо ей улыбается.

Сон как рукой снимает, пятый по счету потоп уже не кажется таким отвратительным, наоборот: парня захлестывает нежность к вернувшейся на родину девушке. Знала бы она, как он по ней скучал. Ведь, когда она уехала, оборвались все связи: ходили еще слухи, что тетя отдала ее в женскую школу-пансион.

Ёын говорит и говорит, и, наверное, сейчас аджумма с третьего проснется и с радостью устроит тут целый спектакль. Чанэль не выдерживает и, хватая локоть девушки, тянет ее на себя. Он обнимает ее, словно она величайшая драгоценность в этом мире, и шепчет в ее растрепанные длинные волосы:

— Хорошо, что ты дома.

Ёын замирает и завершает свою пламенную речь на полуслове. Они с Чанэлем были неплохими друзьями в прошлом, и подобный эмоциональный всплеск с его стороны не так уж и удивителен. Тогда почему сердце так странно екает в груди и бьется быстрее? Это же всего лишь Пак Чанэль — мальчик «Harry Virus» с задней парты. И она вроде как давно забила на то, что после отъезда по нему скучала больше всех и даже думала, что он ей нравится.

— Ага, — лопочет Ёын и высвобождается из его крепких и приятных объятий. — Вы все так рады были меня видеть, ха.

— Вы?

— Да. Ребята из нашего класса быстро меня нашли. Я поддерживала связь с Доён, если помнишь ее.

— А мне почему не сказала? — укоризненно спрашивает Чанэль.

— Я не хотела навязываться, — Ёын отводит взгляд в сторону и неловко топчется на месте.

Сердце Чанёля ухает куда-то вниз, в самые пятки. Не хотела навязываться? Господи! Ёын, где же ты раньше была?

— Ладно, нужно убраться, пока моя квартира не превратилась в непонятно что! — бодро говорит Чанэль, и девушка кивает.

~

За два часа они умудряются собрать всю воду — да еще и так тихо, словно в них обоих успешно активировались супергерои, что ни один сосед не слышит их. Начинают с квартиры Ёын — у нее, оказывается, крыша протекает, и Пак обещает разобраться с этим. Всю воду девушка периодически собирает в ведра, которые позже обязательно опрокидывает рыжий кот Гарфилд.

Чанэль усмехается — если бы знал, кто именно его топит, оттягивал бы он свой визит?

К концу они оба жутко уставшие, и Пак думает, что таким счастливым уже давно себя не чувствовал. А сейчас он готов хоть еще раз десять всю воду вытереть, лишь бы только Ёын помогала ему и щебетала о чем-то беззаботно рядом.

— Ты прости, что так вышло, я дома бываю только ночью, — оправдывается она позже, когда сидит на кровати, а Чанэль мостится рядом — на холодноватом полу, прижавшись спиной к мебели.

Он только сейчас замечает, что чердак отремонтирован, к слову, довольно неплохо. По нынешним меркам — даже замечательно и очень уютно. Для девушки, живущей одной, в самый раз. Стены увешаны рисунками — на них цветы. Некоторые из видов Чанэль видит впервые, но это не мешает ему восхищаться. Все настолько красиво, что просто дух захватывает.

— Ты рисуешь? ..

— Да. В Таиланде научили, — усмехается тихо девушка, а потом вдруг оживляется: — Можно я тебя нарисую?

— А?

Чанэль не успевает сориентироваться, как оказывается на кровати рядом с девушкой, сидящий прямо напротив, а она держит в руках лист бумаги и простой карандаш и улыбается ему радостно.

— Только не вертись, пожалуйста!

Пак кивает и изумленно наблюдает: Ёын мало изменилась с тех пор. Разве что на носу появилось пару веснушек, волосы стали длиннее, чем в их последнюю встречу. А так — она все

та же На Ёын, в которую он влюбился в седьмом классе.

Так же, как и раньше, она откидывает мешающуюся челку со лба, очаровательно хмурится, почесывает в замешательстве шею, когда недовольна чем-то. Родинок на руках у нее все еще пять — Чанэль помнит, ведь в свое время изучил, пока она не замечала повышенного внимания к своей персоне. Губы у нее аккуратные, и внутри у парня все сводит: ему все еще хочется ее поцеловать.

Все то время, что ее здесь не было, он и не думал ее забывать, просто ни у кого из знакомых не было номера. В соцсетях она никогда не светила и жила себе тихо в Таиланде, училась. Чанэль иногда думал, что она могла там себе кого-то найти, поэтому и сам завел отношения с однокурсницей. Но ничего дельного не вышло.

— Ёын, а почему ты вернулась? — спрашивает он, внимательно следя за движениями ее изящных рук.

— Таиланд — не мое место в этой жизни, — поясняет она. — Я отучилась и вернулась, потому что уже совершеннолетняя. Тетя не была против: даже денег дала. Но они ушли на оплату обучения, а этот чердак я еле нашла. Учусь и после работаю, поэтому Гарфилду тут одному вообще никак, но не могу его бросить, я его из Таиланда привезла сюда.

Чанэль слушает с интересом, обводит взглядом контур губ, изредка поглядывает на кота, вальяжно раскинувшегося рядом с Ёын и одним глазом наблюдающего за происходящим в комнате.

— Тяжело было сначала?

— Здесь? Немного. Я не хочу зависеть от тети, поэтому не говорю ей о своих проблемах.

— Нет, в Таиланде. Ты быстро адаптировалась? — уточняет Чанэль.

Слушать Ёын — личный фетиш. Голос у нее легкий, приятный и даже мелодичный. Самый красивый.

— Друзей я там так и не завела. Хотя школа-пансион для девочек — это ад! Трудно было привыкнуть, но со временем я поняла все, влилась в их жизнь, язык смогла выучить и даже полюбила. После этого сразу решила, что свяжу жизнь языками. Учусь вот на лингвиста. В принципе, у меня все хорошо, только крыша моя тебе мешает, извини!

Чанэль улыбается секунду, а потом выпаливает сумасбродную идею:

— А хочешь — живи у меня? И не будешь меня заливать. Да и вместе веселее, к тому же я люблю котов, и одному мне немного неуютно. А еще у меня всегда тепло!

Глупости. Он давно привык один жить. Просто это Ёын, и почти уже восемь — это все недостаток сна, нормальной еды и общения с интересными людьми. Но она соглашается. Пусть с неловкой улыбкой и невнятным бормотанием за листом бумаги.

А в маленькое окно пробивается уже солнце.

~

Чанэль крышу на чердаке чинит, и Ёын переезжает к нему. Он в который раз осознает, что его чувства к ней и не думали угасать — лишь разгораются еще ярче теперь, когда она наконец здесь и снова рядом. Правда, теперь она действительно тут — он может даже обнять ее, но нет. Понимает, что слишком рано, и просто пытается дарить ей свою любовь теплыми мешочками, набитыми заботой и улыбками.

Ёын вовсе не против — она охотно принимает это, хотя иногда смущенно улыбается, когда Чанэль утром всучивает ей в руки зонт, ворча, что обещали дождь, когда он пичкает ее лекарствами, потому что она на пороге гриппа, или когда приносит ей кружку ароматного кофе с молоком часа в три ночи, пока она в поте лица разбирается с переводом домашнего задания с английского на родной корейский.

Чанэль весь — сгусток тепла и концентрация счастья на один квадратный сантиметр. Слишком много для одной маленькой Ёын, которая чувствует, что не может не поддаться ему, и не знает, как вообще благодарить его за эту доброту. Она просто купается в его тепле и теряет в своих чувствах: ее не покидает ощущение, что за его якобы дружеской заботой скрывается что-то отнюдь не дружеское.

Ёын готовит ему (получается вкусно вроде как), и Чанэль в это время всегда присутствует на кухне. Он притворяется, что читает книгу, а сам постоянно разглядывает ее, думая, что она не видит. Наблюдает за тем, как она бегаёт по кухне, достает из шкафчика все нужное, с закрытыми веками пробует приготовленное блюдо или же выгоняет бедного рыжего наглеца с кухни, схватив за шкирку и непременно крича:

— Гарфилд, кыш отсюда!

Не замечать его долгих и любопытных взглядов невозможно, тем более что они пускают по позвоночнику стаю мурашек, отчего хочется сбежать. И иногда Ёын сбегает на чердак, говоря, что Гарфилд ей мешает, а сама пытается понять, что же происходит с ней и почему она так странно реагирует на парня. Это же Чанэль! Но подобные доводы перестают действовать.

Впрочем, чердаком как местом отдыха пользуется и сам Пак. Ёын узнает об этом тогда, когда время на настенных часах переваливает за полночь, а Чанэля все нет. И он не звонит, не пишет. Девушка в волнении уходит на чердак — из его окна всегда видно всю улицу и идущих по ней людей.

И как же Ёын удивляется, находя там Чанэля.

Тот прячется наверху только потому, что пытается не волноваться перед завтрашней защитой диплома, но не выходит, а еще Ёын постоянно улыбается ему так, как будто бы

догадывается о его чувствах. И все это просто выводит из себя.

— Почему ты тут? — спрашивает Ёын, замечая Чанёля, распластавшегося на кровати. Она несмело подходит ближе и видит, что рукой он прикрыл глаза.

— Устал.

— Ты чем-то расстроен? — ну вот, она раскусывает его мгновенно. И даже слабое «нет» не спасает ситуацию. — Хочешь, я скрашу твой вечер?

Чанэль не успевает ничего ответить, как Ёын начинает шарить по ящикам в кромешной тишине, очевидно, помня, что оставила что-то здесь. Спустя пару минут она с победным возгласом бежит к нему и ложится так, что их головы оказываются на одной подушке, а тела в противоположных частях кровати.

— Сначала я расскажу тебе о цветах, Чан, — Ёын не спрашивает: утверждает. — Знаешь, в Таиланде многое казалось до жути чужим, и первое время я даже думала о том, чтобы уговорить тетю вернуться в Корею. Но когда в моей жизни появилось рисование, то и остальное, что мне не нравилось, перестало иметь значение. Я долго училась — если ты помнишь, я не самая способная ученица. Однако, когда у меня получилось, я начала рисовать именно цветы. Большинство из них связаны с тобой. Я тогда больше всех по тебе скучала и по родителям. Ты же был тем, кто поднимал всем настрой, и я очень в тебе нуждалась. Но думала, что навязываюсь, и не стала даже искать, хотя номер бережно хранила у себя, пусть и свой сменила. Слушай теперь внимательно. Я дала себе обещание, что твой портрет будет первым в моих работах, и нарисовала цветок миндаля. Потом были колокольчики — не могла перестать думать о тебе. Позже сакура — жизнь так быстро проносилась мимо, что я не успевала за ней и словно глубоко внутри даже не выросла. Я часто вспоминала тебя и твои шутки и открыла для себя незабудку. А потом научилась рисовать амарант. Знаешь, какое у него значение? Поговаривают, что неумиряющая любовь. Как-то взяла отдых после этого и долго ничего не делала. Рисовала без скрытого смысла. Но недавно снова вернулась к этому своему хобби — везде рисую красную хризантему.

Воцаряется гробовая тишина, разбавляемая судорожным дыханием Ёын и громким сердцебиением Чанёля. Девушка начинает говорить дальше — о других цветах и о том, что именно этими рисунками все тут увешано, но Пак ее не слышит уже. Знает только, что это все звучит как признание: отчаянное, давно хранящееся внутри и искреннее.

Ёын вручает ему в руки какую-то книгу и предлагает почитать вместе. Совсем забывает о том, что свет выключен. Нервничает, понимает Чанэль и тепло улыбается.

— Ёын, что значат красные хризантемы?

Девушка недолго молчит, наверное, собирается с духом. Но Пак и без нее знает, просто хочет услышать. И, когда она отвечает, повторяет за ней:

— Я люблю.

Чанэль слышит ее чуть дрожащий голос и поворачивается к ней, оставляя на щеке девушки легкий поцелуй и чуть приподнимаясь на локтях. Видит ее трепещущие ресницы и тени, которые они отбрасывают на ее чуть бледные щеки. Он касается ее губ, и все внутри просто бьет током. Ему очень хочется показать ей, как он скучает, как ревнует ко всем, кого она рисовала (а он видел пару портретов незнакомых ему парней), как ждал ее все это время. И Ёын отвечает ему трепетно и ласково.

Кажется, что сердце совсем выходит из-под контроля — бьется так гулко, что, наверное, аджумма с третьего этажа все-все слышит!

— Рисуй теперь только меня, — заявляет Чанэль секундой позже.

И, ловя счастливую улыбку Ёын, думает о том, что цветы с чердака должны остаться тут, а это маленькое местечко под крышей — их личным миром, в который нет входа другим.

«Даже тебе, Гарфилд, и не смотри так!»

[Страница книги Цветы на чердаке в интернете](#)